

Выборы при авторитарных режимах: в чем смысл?

Данила Краснов
(р. 2001) – политолог.

Регулярно проводимые выборы принято считать неотъемлемой чертой демократии. Однако выборные практики не чужды и авторитарным режимам: как отмечают специалисты, на электоральный авторитаризм в целом и конкурентный авторитаризм в частности приходится бóльшая часть авторитарных моделей правления¹. Такие режимы отличаются от «несовершенных» демократий тем, что в них наблюдается частый и систематический отход от критериев и принципов свободных и справедливых выборов, создающий «между правительством и оппозицией неравное игровое поле»².

Естественно, перед исследователем возникает целая вереница вопросов. Прежде всего: зачем диктатурам вообще нужен подобный институт? Далее: что заставляет автократов настойчиво практиковать выборы, зная при этом, что в демократических обществах этот механизм обеспечивает ротацию правящих элит, в которой они никак не заинтересованы? Наконец: влияют ли выборы, организуемые диктаторами, на стабильность и выживание авторитарных режимов?

Благо и риск фальсификаций

В последние десятилетия появляется все больше работ, авторы которых пытаются связать между собой выборные практики и стратегические решения, реализуемые правителями в электоральных автократиях³. При этом анализ литературы демонстрирует едва ли не всеобщее единодушие в том, что выборы – это не просто декоративное приспособление, призванное облагородить неприглядную диктатуру, а жизненно важный инструмент, приносящий автократам немалую пользу. Итак, зачем же автократу выборы?

- 1 Подробнее см.: LEVITSKY S., WAY L. *The Rise of Competitive Authoritarianism: Elections without Democracy* // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 2. P. 51–65 (рус. перев.: Левицкий С., Вэй Л. А. *Подъем конкурентного авторитаризма* // *Неприкосновенный запас*. 2018. № 5(121). С. 29–47. – *Примеч. ред.*); MAGALONI B. *The Game of Electoral Fraud and the Ousting of Authoritarian Rule* // *American Journal of Political Science*. 2010. Vol. 54. № 3. P. 751–765.
- 2 LEVITSKY S., WAY L. *Op. cit.* P. 55.
- 3 См., например, обзорную статью: GANDHI J., LUST-OKAR E. *Elections under Authoritarianism* // *Annual Review of Political Science*. 2009. Vol. 12. № 1. P. 403–422.

Во-первых, выборы могут быть использованы для кооптации в структуры режима тех или иных сегментов элит и групп интересов, поскольку в определенных ситуациях избирательный процесс, вписанный в авторитарный контекст, предстает более «справедливым» и эффективным способом решения вопроса о том, кто и как будет участвовать в распределении власти. Иначе говоря, автократ, регулярно организуя выборы, удерживает вокруг себя популярных членов правящего класса и ограничивает стимулы к «дезертирству» из доминирующей группировки⁴.

Во-вторых, выборы могут сигнализировать о силе режима и/или слабости оппозиции. Они обнаруживают наличие политического потенциала, позволяющего либо автократу добиваться от избирательных комиссий изготовления желаемых результатов, либо оппозиции настаивать на аннулировании итогов голосования на тех участках, где наблюдатели фиксировали незаконное вмешательство в электоральный процесс⁵. Соответственно, с учетом этих сигналов делаются выводы и выстраиваются стратегии.

Выборы – это не просто декоративное приспособление, призванное облагородить неприглядную диктатуру, а жизненно важный инструмент, приносящий автократам немалую пользу.

В-третьих, выборы служат инструментом, посредством которого режим проверяет лояльность и эффективность своих региональных или партийных элит⁶. Проверка происходит в тот момент, когда функционеры электоральной машины, будь то местные чиновники, наблюдатели от прорежимных партий или члены избирательных комиссий, производят необходимые автократу манипуляции и фальсификации, принимая тем самым на себя ответственность за них⁷. Весьма деликатным моментом является при этом регулирование их активности: в желании отличиться перед диктатором легко переусердствовать.

Наконец, в-четвертых, выборы могут служить инструментом легитимации правления автократа в глазах его собственных подданных и международных акторов. Вообще в литературе

4 Об элитном «дезертирстве» подробнее см.: REUTER O., SZAKONYI D. *Elite Defection under Autocracy: Evidence from Russia* // American Political Science Review. 2019. Vol. 113. № 2. P. 552–568.

5 HANSON J. K. *State Capacity and the Resilience of Electoral Authoritarianism: Conceptualizing and Measuring the Institutional Underpinnings of Autocratic Power* // International Political Science Review. 2018. Vol. 39. № 1. P. 17–32.

6 REUTER O., GRAEME B. *Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments* // The Journal of Politics. 2012. Vol. 74. № 4. P. 1023–1037.

7 Подробнее см.: REUTER O., SZAKONYI D. *Op. cit.*

прочно утвердилось мнение, согласно которому, авторитарные выборы – это не просто «фасад» или «витрина», а важнейший институт со своими специфическими функциями⁸. Специалисты подчеркивают, что выборы в авторитарных странах обычно служат инструментом, помогающим инкумбенту продлить свое пребывание у власти, – в отличие от демократических выборов, которые, напротив, обеспечивают обновление властной системы и замену неэффективных, безответственных, непопулярных правителей⁹.

Вместе с тем автократ, который регулярно обращается к электоральному подтверждению собственного всевластия, сталкивается с серьезными рисками, наиболее очевидным из которых остается возможность проигрыша своим соперникам-оппозиционерам. Подобная опасность усугубляется ущербностью информационных потоков, упорядочиваемых диктатурами. В частности, концепция «дилеммы диктатора» предполагает, что единоличному правителю, который желает предотвратить консолидацию оппозиции и воспрепятствовать демократизации, обязательно нужно ограничить распространение любой информации о каком бы то ни было несогласии с его правлением. Решая такую задачу, режимные акторы непроизвольно способствуют тому, что ни сам автократ, ни противостоящая ему оппозиция не осведомлены об истинном уровне популярности правителя. Соответственно, издержки этого несут обе стороны: оппозиционным кандидатам – как, впрочем, и кандидатам от власти – трудно с достоверностью рассчитать свои шансы на победу, а автократу сложно оценить, до какой степени итоги выборов придется фальсифицировать: он просто не в состоянии нащупать те «пороговые значения», после которых подтасовки выливаются в народное возмущение.

Более того, опасности не ограничиваются только этим. Выборы, как предполагается, способны объединять оппозицию, поскольку подготовка к ним влечет за собой создание координационных центров, помогающих разрешать дилеммы коллективного действия¹⁰ и создающих возможности для сотрудничества активистских групп и политических партий, нацеленного на проведение поствыборной протестной мобилизации¹¹. Они

8 См.: GANDHI J., PRZEWORSKI A. *Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats* // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. № 11. P. 1279–1301 (рус. перев.: Ганди Д., Пшеворский А. *Авторитарные институты и сохранение власти автократами* // *Неприкосновенный запас*. 2018. № 5(121). С. 200–222. – *Примеч. ред.*).

9 LUO Z., ROZENAS A. *Strategies of Election Rigging: Trade-Offs, Determinants, and Consequences* // *Quarterly Journal of Political Science*. 2018. Vol. 13. № 1. P. 1–28.

10 BUNCE V.J., WOLCHIK S.L. *Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes* // *World Politics*. 2010. Vol. 62. № 1. P. 43–86.

11 TREJO G. *The Ballot and the Street: An Electoral Theory of Social Protest in Autocracies* // *Perspectives on Politics*. 2014. Vol. 12. № 2. P. 332–352.

также могут вносить вклад в укрепление оппозиции, внедряя в ее ряды элементы внутренней конкуренции и консолидируя знания и опыт, столь необходимые в борьбе за институциональные изменения¹². Наконец, выборы могут способствовать элитному расколу авторитарного режима и дроблению его сторонников на фракции – ибо они всегда подогревают внутри-элитную конфронтацию по поводу распределения будущих трофеев, формирования доминирующих коалиций, а также политических изменений, которые в перспективе могут ущемить одну фракцию элиты, но при этом благоприятствовать другой.

ДАНИЛА КРАСНОВ
ВЫБОРЫ ПРИ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМАХ:
В ЧЕМ СМЫСЛ?

В теории даже авторитарные выборы могут непреднамеренно спровоцировать крах режима или запустить процесс демократизации.

Таким образом, в теории даже авторитарные выборы могут непреднамеренно спровоцировать крах режима¹³ или даже запустить процесс демократизации¹⁴. Некоторые исследователи, впрочем, подчеркивают органичную двойственность последствий, провоцируемых выборами при диктатурах. По их мнению, они, с одной стороны, способствуют долгосрочной стабильности и долговечности режима – эмпирические данные свидетельствуют о том, что институционализированные автократии гораздо более устойчивы, – но, с другой стороны, они же очень часто порождают краткосрочную нестабильность сразу же после голосования¹⁵. Эта интерлюдия шаткости и неуверенности может быть отмечена протестом, революцией, переворотом и даже международным вмешательством. Если автократ найдет эффективные способы преодолеть постэлекторальную нестабильность, а его режим сумеет пережить этот сложный период в сохранности, то проведенные им выборы подкрепят устойчивость его правления в долгосрочной перспективе.

ДРАЙВЕРЫ ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Что заставляет автократа фальсифицировать выборы вопреки тому, что это может подорвать его легитимность и ожесточить оппозицию? Вполне ожидаемым образом за этим стоит

- 12 SCHEDLER A. *The Nested Game of Democratization by Elections* // International Political Science Review. 2002. Vol. 23. № 1. P. 103–122.
- 13 MAGALONI B., WALLACE J. *Citizen Loyalty, Mass Protest and Authoritarian Survival*. Paper prepared for the conference «Dictatorships: Their Governance and Social Consequences». Princeton University, April 25–26, 2008.
- 14 SCHEDLER A. *The Nested Game of Democratization by Elections*.
- 15 KNUSTEN C.H., HÅVARD M.N., TORE W. *Autocratic Elections: Stabilizing Tool or Force for Change?* // World Politics. 2017. Vol. 69. № 1. P. 98–143.

страх проиграть электоральную гонку. Однако важно отметить, что автократы подделывают итоги выборов не только для того, чтобы победить математически, но и для того, чтобы обеспечить себе внушительный перевес в количестве голосов, позволяющий продемонстрировать свою силу – избирателям, оппозиции, военным, бюрократам¹⁶. Бывают случаи, когда фальсификации касаются искажения не самих результатов, а явки избирателей: так, предполагается, что ее искусственное завышение укрепит легитимность правления. Об этом, к примеру, пишет Григорий Голосов:

«Высокая явка не менее важный компонент электорального успеха, чем результаты официальных партий и кандидатов. Она способствует легитимации режима, улучшает его международную репутацию и даже помогает привлекать иностранные инвестиции»¹⁷.

Учет этого обстоятельства расширяет концептуальное наполнение понятия «проигрыш»: под ним автократ будет понимать не только неспособность обеспечить себе число голосов, необходимое для занятия должности, но и недостаточный перевес или слишком низкую явку. Отсюда, кстати, вытекает важное следствие: вопреки встречающимся порой утверждениям обращение к фальсификациям далеко не всегда говорит о слабости режима – оно может стимулироваться разнообразными мотивами.

Существенное влияние на стратегию фальсификаций, как отмечают специалисты, оказывает и такой фактор, как пространственная дисперсия той поддержки, на которую опирается диктатор. Желая оптимизировать этот ресурс, автократ способен подходить к фальсификациям избирательно, уделяя более пристальное внимание тем местам, где элиты и население ориентированы на него в наибольшей мере. Во-первых, на таких территориях подделывать итоги выборов легче, а во-вторых, целенаправленное «раздувание» выгодных для режима результатов, предпринимаемое в лоялистских частях страны, помогает компенсировать убыль бюллетеней в зонах протестного голосования. Другая стратегия предполагает сосредоточение фальсификаторских усилий на тех регионах, которые выделяются своим высоким уровнем политической конкуренции: это делается для того, чтобы выровнять поддержку по всей стране и ослабить местную оппозицию. Здесь можно сослаться на эмпирическое исследование Франсиско Канту, посвященное президентским выборам 1988 года в Мексике, которое показывает, что в штатах

16 SIMPSON A. *Why Governments and Parties Manipulate Elections: Theory, Practice, and Implications*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 131–158.

17 Голосов Г.В. *Честность выборов и явка избирателей в условиях авторитаризма* // Политическая наука. 2019. № 1. С. 70.

с более прочной поддержкой действующего президента степень электоральных фальсификаций была более значительной¹⁸. Размышляя в том же ключе о думских выборах 2011 года в России, Коул Харви заключает, что режимные акторы стремятся выстраивать патронажные сети из лояльных элементов в тех местах, где ожидается наиболее жесткое электоральное сопротивление оппозиции. Это делается для того, чтобы после завершения голосования погасить гипотетические оспаривающие инициативы со стороны тех или иных активистских групп. В то же время они прибегают к самым грубым фальсификациям в регионах, где поддержка диктатора не ставится под сомнение¹⁹.

Все эти изыскания подводят к важному заключению: автократ, занимающийся фальсификациями, вынужден полагаться на локальные группы поддержки. Тем не менее подчиненные ему региональные акторы, несмотря на всю свою зависимость, обладают в данном отношении весьма широкой дискрецией. Если, например, им кажется, что издержки от искажения голосования для них лично слишком велики, то они не будут проявлять особого усердия – особенно если санкции за это не очень суровы. И наоборот, если издержки представляются минимальными, а обещанные автократом бонусы выглядят соблазнительными, то местное начальство может предпринять избыточные усилия, предоставив режиму больше голосов, чем требуется²⁰. Таким образом, фальсификаторский потенциал автократа в ходе общенациональных выборов зависит от его (а) умения охватить собственной агентской сетью всю страну, (б) готовности поощрять наиболее усердных фальсификаторов на местах и (в) способности строго наказывать за нелояльность.

Согласно предположениям некоторых авторов, решение о фальсификации выборов рождается в попытке найти компромисс между усилением контроля над избирательным процессом и поддержанием легитимности режима²¹. В большинстве случаев автократ технически может вмешаться в электоральную процедуру, рукотворно исказив итоги голосования, но это повышает вероятность возникновения нежелательного для него общественного резонанса. Как правило, постэлекторальная нестабильность режима, о которой говорилось выше, обусловлена не самой по себе победой инкумбента, а сопутствующими ей выборными манипуляциями²². Естественно, такой

18 CANTU F. *The Fingerprints of Fraud: Evidence from Mexico's 1988 Presidential Election* // American Political Science Review. 2019. Vol. 113. № 3. P. 710–726.

19 HARVEY C.J. *Changes in the Menu of Manipulation: Electoral Fraud, Ballot Stuffing, and Voter Pressure in the 2011 Russian Election* // Electoral Studies. 2016. Vol. 41. P. 105–117.

20 ИДЕМ. *Principal-Agent Dynamics and Electoral Manipulation: Local Risks, Patronage, and Tactical Variation in Russian Elections, 2003–2012* // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 72. № 4. P. 1–26.

21 См.: SCHEDLER A. *The Nested Game of Democratization by Elections*.

22 BUNCE V.J., WOLCHIK S.L. *Op. cit.*

эффект в значительной степени зависит от беспрепятственной деятельности наблюдателей²³, которые облегчают разоблачение подтасовок.

ПАЛИТРА ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

Методы, используемые автократом для искажения народного волеизъявления, многочисленны, причем отличаются они по самым разным критериям. Для начала стоит упомянуть, что к ним привлекается широкий круг исполнителей – от местных элит до центрального аппарата государства. Далее, есть дорогостоящие и изощренные методики, а есть элементарные и грубые. Наконец, в одних фальсификациях участвуют бюллетени, а другие проворачиваются вообще без их использования. По-видимому, прав Коул Харви, предлагающий рассматривать фальсификации избирательного процесса как «семейство различных тактик – каждая со своими собственными издержками, выгодами и восприимчивостью к местным ограничениям, – а не как единую тактику»²⁴. Действительно, у автократа есть возможность выбирать между различными комбинациями тех или иных приемов фальсификаций, учитывая при этом сложности, издержки, риски каждого типа. Если какой-то вид манипулирования делается слишком затратным или вообще недостижимым, его всегда можно компенсировать иными механизмами²⁵. Разумеется, огромную роль в выборе ассортимента играет то, допускается ли в ходе выборов нормальная работа наблюдателей, как международных, так и местных.

Что же конкретно представляет собой набор упомянутых тактик? Исследователи не раз пытались каталогизировать различные виды электоральных фальсификаций. Одной из наиболее основательных классификаций стало «меню манипуляций», описанное Андреасом Шедлером. Оно включает в себя покупку голосов, давление на избирателей, фальсификацию посредством протоколов и бюллетеней и, что немаловажно, институциональную предвзятость (в последней категории перечисляются всевозможные заградительные барьеры, устанавливаемые государством на всех стадиях избирательного процесса)²⁶. Через несколько лет после появления первой версии «меню» Шедлер расширил свой список²⁷. В частности, он ука-

23 SJOBERG F.M. *Autocratic Adaptation: The Strategic Use of Transparency and the Persistence of Election Fraud* // *Electoral Studies*. 2014. Vol. 33. P. 233–245.

24 HARVEY C.J. *Principal-Agent Dynamics and Electoral Manipulation...* P. 22.

25 Ibid. P. 4.

26 SCHEDLER A. *The Menu of Manipulation* // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. № 2. P. 36–50.

27 ИДЕМ. *Authoritarianism's Last Line of Defense* // *Journal of Democracy*. 2010. Vol. 21. № 1. P. 69–80.

зал на то, что в отдельных ситуациях автократ учреждает так называемую «опекунскую власть», в рамках которой решения выборных должностных лиц могут отменяться неизбранными властями, он может ограничивать конкуренцию, отказывая оппозиции в равном доступе к общественным платформам, он способен частично лишать граждан избирательных прав. Помимо прямой покупки голосов, автократ способен накануне выборов угрожать избирателям насилием в случае «неправильного» голосования, искажая тем самым истинное выражение их предпочтений. Другие исследователи упоминали в ряду типичных фальсифицирующих технологий предвзятое освещение кампаний в СМИ²⁸, технические нарушения непосредственно в день выборов (например вброс бюллетеней или злоупотребление голосованием по доверенности) и аннулирование итогов в тех округах, где представители диктатуры уступили конкурентам²⁹.

В свою очередь Коул Харви и Пола Мукерджи выстраивают более сложную модель, которая основывается на парадигме информационных сигналов и тестируется на данных кросс-страновых временных рядов³⁰. Авторы сосредотачиваются на трех типах фальсификаций: внеправовой мобилизации избирателей, их запугивании со стороны государства и административных злоупотреблениях. Они отмечают, что в незаконной мобилизации электората важнейшую роль играют деньги: избиратели материально вознаграждаются либо за «правильное» голосование, либо, напротив, за отказ от голосования. Кроме того, авторитарные режимы широко используют схемы, в которых избирателям платят за многократное (карусельное) голосование или за голосование с использованием поддельных удостоверений личности.

Однако фальсифицировать выборы можно и без прямых инвестиций в сам электоральный процесс. Например, весьма действенно давление, оказываемое на избирателей по месту работы – через шантаж увольнением или ухудшением условий труда³¹ – или угрозы прямого физического насилия (демонстрируемая готовность применить его в данном случае равнозначна самому применению). Впрочем, оба этих вида фальсификаций, позволяя сэкономить на прямых расходах, требуют весомых косвенных затрат: дополнительных вложений в бро-

ДАНИЛА КРАСНОВ

ВЫБОРЫ ПРИ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМАХ:
В ЧЕМ СМЫСЛ?

28 EGOROV G., SONIN K. *Incumbency Advantage in Non-Democracies*. National Bureau of Economic Research Working Paper № 20519. September 2014 (www.nber.org/papers/w20519).

29 HYDE S.D., MARINOV N. *Information and Self-Enforcing Democracy: The Role of International Election Observation* // International Organization. 2014. Vol. 68. № 2. P. 329–359.

30 HARVEY C.J., MUKHERJEE P. *Methods of Election Manipulation and the Likelihood of Post-Election Protest* // Government and Opposition. 2015. Vol. 55. № 4. P. 534–556.

31 FRYE T., REUTER O., SZAKONYI D. *Hitting Them with Carrots: Voter Intimidation and Vote Buying in Russia* // British Journal of Political Science. 2018. Vol. 49. № 3. P. 1–25.

керские и клиентские сети, которые призваны контролировать поведение избирателей, применять штрафные санкции и распределять трофеи. Эти многоярусные конструкции предполагают, что агенты вышестоящих уровней будут регулировать деятельность агентов, находящихся внизу. Структурная сложность, естественно, является фактором уязвимости подобных сетей: во-первых, брокеры могут впасть в соблазн уклонения от своих обязанностей и даже использования ресурсов, выделяемых автократом, для личной выгоды, поскольку эффективный мониторинг в подобных организациях невозможен; во-вторых, избиратели и агенты начинают нарушать выдаваемые им инструкции или вообще переходят на противоположную сторону в тех случаях, когда начинают сомневаться в способности автократа вознаграждать и наказывать³².

Получается, что, какой бы ни была выбранная автократическим режимом стратегия, «экономных» вариантов фальсификации выборов не существует. Вместе с тем есть ощутимая разница в нюансах. Теневая мобилизация избирателей и их эффективное запугивание действительны только тогда, когда за этими методами стоит мощь государства, что требует не только солидного финансирования, но и четкой логистики, а также централизованного контроля над совершением беззакония³³. На этом фоне более экономным вариантом выступает административное манипулирование, требующее участия относительно небольшой группы людей. Эта стратегия опирается в основном на членов избирательных комиссий (будь то на местном, региональном или общенациональном уровнях), чье должностное положение используется для корректировки протоколов, организации вбросов, злоупотребления специальными формами голосования – по доверенности, на дому и так далее.

Фальсификации, организуемые теми, кто технически отвечает за проведение выборов, не только дешевле – при таком подходе автократу легче держать под контролем всю ситуацию. Эмпирические данные, которые представила, в частности, Джессика Фортин-Риттбергер, свидетельствуют, что масштабные фальсификации непосредственно в день выборов более распространены в тех случаях, когда потенциал государства по использованию принуждения не слишком высок³⁴. Опираясь на изложенные выше положения, Харви в свою очередь

- 32** RUNDLETT A., SVOLIK M. *Deliver the Vote! Micromotives and Macrobehavior in Electoral Fraud* // American Political Science Review. 2016. Vol. 110. P. 180–197.
- 33** NAM C. VAN, SEIM B. *Strong States, Weak Elections?* // International Political Science Review. 2017. Vol. 39. № 1. P. 49–66.
- 34** FORTIN-RITTEBERGER J. *The Role of Infrastructural and Coercive State Capacity in Explaining Different Types of Electoral Fraud* // Democratization. 2014. Vol. 21. № 1. P. 95–117.

утверждает, что активизация внезаконной мобилизации избирателей сигнализирует противникам (и сторонникам) режима, что он по-прежнему силен, поскольку обладает материальными и административными ресурсами, позволяющими запускать столь масштабные кампании. Если же оппозиционеры видят, что фальсификаторы ограничиваются исключительно административными рычагами, то им начинает казаться, будто режим слаб, – и тогда они укрепляются в своей решимости бросить вызов автократу³⁵. В свою очередь Харви и Мукерджи, отталкиваясь от предложенной аргументации, выдвигают гипотезу, согласно которой, наибольшими проблемами для автократа чревато использование не столько общегосударственной мобилизации избирателей, сколько – сугубо административной машины в лице электоральных комиссий. В таких случаях, по их мнению, вероятность послевыборного протеста оказывается гораздо выше. Иначе говоря, деликатность автократу не к лицу: если начал «химичить» с выборами, то надо идти до конца, поскольку избиратели все равно ответят черной неблагодарностью.

ДАНИЛА КРАСНОВ
ВЫБОРЫ ПРИ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМАХ:
В ЧЕМ СМЫСЛ?

Теневая мобилизация избирателей и их эффективное запугивание действены только тогда, когда за этими методами стоит мощь государства, что требует не только солидного финансирования, но и четкой логистики, а также централизованного контроля над совершением беззакония.

* * *

Подводя итог, можно сказать, что авторитарные режимы не только не отказываются от выборных процедур в подчиненных им странах, но и ставят их себе на службу, обзаводясь тем самым еще более совершенными инструментами управления. Выборы приносят автократам разнообразную пользу: они делают правление более легитимным, позволяют проверить лояльность местных элит, создают дополнительные возможности для кооптации в структуры режима не только верных сторонников, но и колеблющихся противников. Но самое главное заключается в том, что посредством выборов автократы демонстрируют другим политическим акторам свою силу:

35 HARVEY C.J., MUKHERJEE P. *Op. cit.*

ДАНИЛА КРАСНОВ
ВЫБОРЫ ПРИ АВТОРИ-
ТАРНЫХ РЕЖИМАХ:
В ЧЕМ СМЫСЛ?

сторонников они убеждают в нерушимости режима, мобилизуя в свою поддержку широкие массы населения, а противникам внушают тщетность любых попыток изменить *status quo*. И, хотя электоральные процедуры порой опасны, ибо «опрокидывающие выборы» остаются хотя и редким, но реальным феноменом, автократы чаще всего приходят на выборы подготовленными – и побеждают на них, снова и снова уродуя демократию ради увековечения собственной власти. Довольно часто, кстати, это сходит им с рук.